

Это было лето девятнадцатого года жизни Юджина.

Хотя погода на улице была жаркой и влажной, внутри "Акрона" было комфортно.

Лохматые волосы юноши были небрежно уложены. Хотя внутренние помещения Акрона изобиловали заклинаниями, гарантирующими различные удобства, такие как очистка воздуха и контроль температуры, Юджин был единственным, кого в эту знойную жару можно было увидеть в плаще с меховой подкладкой.

У него не было никаких особых причин для такого дресс-кода. Просто было удобно. Вопреки своему тяжелому виду, Плащ Тьмы почти ничего не весил.

Хотя этот факт уже был очевиден, магия действительно была удобна.

Даже тот небольшой вес, который ощущал Юджин, не тяготил его. С тех пор как ему исполнилось десять лет, он ежедневно тренировался, пристегивая к телу тяжелые мешки с песком, и вес этого плаща никак не мог причинить ему дискомфорт.

В нем также не было жарко. Плащ резонировал с сенсорными системами своего владельца и постоянно отслеживал внутреннюю и внешнюю температуру, обеспечивая комфорт носителя в любой ситуации. Уже одно это было достаточно удобно, но больше всего Юджин ценил пространственные чары, вложенные в плащ.

И среди них он получил наибольшую пользу от подпространства.

Крутя ручку на пальце, юноша устался на свой стол. Он смотрел на диссертацию, которую начал писать несколько часов назад. К тому времени, как он пришел в себя, у него было несколько страниц, заполненных символами. Юджин грубо собрал их все и бросил в плащ, затем достал еще несколько чистых листов бумаги.

«Разве тебе не пора перекусить?»

Этот вопрос исходил от Мер, которая сидела напротив него. Ее ноги безвольно покачивались, когда она сидела на слишком высоком для нее стуле, а обе руки были сложены под подбородком.

Юджин оправдывался: «Я много ел перед тем, как прийти сюда.»

Но фамильяр видела его насквозь: «Что ты такое говоришь? Ты всегда много ешь. Так разве ты и сейчас не голоден?»

«Я немного голоден», — признался Юджин. — «Но если я пойду есть сейчас, то потеряю концентрацию, поэтому пока я не могу.»

Лжец, — подумала Мер, слегка хмыкнув и надув щеки. Его слова о том, что он может потерять концентрацию, были просто смешны. Она наблюдала за Юджином уже два года, и фамильяр ни разу не видела, чтобы юноша терял концентрацию.

«Не слишком ли ты торопишься?» — спросила его Мер.

«Я действительно так не думаю», — ответил Юджин.

«Теперь, когда пришло время писать диссертацию, это еще большая причина не спешить. Ты должен писать ее спокойно и медленно, чтобы не наделать мелких ошибок...», — Мер пыталась

придумать еще какие-нибудь аргументы. — «Ам... В любом случае, поэтому лучше писать аккуратно, понятно?»

«Я не тороплюсь и пишу спокойно. Хотя я не уверен насчет того, что пишу медленно. Я постоянно пересматриваю свою диссертацию, и, по крайней мере, в моих глазах, я пока не вижу ошибок. Наверное, это значит, что я пишу аккуратно», — ответил Юджин, продолжая крутить ручку по между пальцев.

Фамильяра не очень удовлетворил этот ответ, и после небольшой паузы она продолжила говорить: «...Я говорю об обычных волшебниках, но разве им не требуется несколько десятилетий, чтобы закончить диссертацию, которая обобщает их магию?»

«Количество времени, которое я потратил на изучение магии, гораздо меньше, чем несколько десятилетий.»

«Это еще больше оснований считать, что ты слишком самонадеян, писать диссертацию так рано! Вместо того, чтобы делать что-то столь опрометчивое, тебе следует просто погрузиться в магию на следующие десять лет...» — Мер прервалась, продолжая протестовать.

«Похоже, наша маленькая Мер чувствует себя очень застенчивой», — усмехнулся Юджин, глядя на фамильяра.

При этом брови Мер нахмурились, словно от отвращения, и она подняла оба сжатых кулака в сторону юноши.

«Разве я не говорила тебе достаточно раз, чтобы ты перестал переходить черту?» — потребовала Мер.

Юджин отверг обвинения: «Но я не думаю, что перешел какую-то черту.»

«Я говорю о том, что ты сказал: "наша маленький Мер"! Я просила тебя не называть меня так. Я на двести лет старше тебя, сэр Юджин.»

«Тогда, похоже, наша маленькая бабушка Мер довольно застенчива.»

«Хочешь умереть?»

Плечи фамильяра, казалось, вздымались от гнева. Но, несмотря на это, Юджин не почувствовал от неё никакого убийственного намерения. Поскольку ее так дразнили уже два года, Мер, похоже, привыкла к этому. Кроме того, они оба знали, что фамильяр говорила это не всерьез и на самом деле не ненавидела, когда Юджин так с ней обращался.

Это было странно, необычно и ностальгически приятно. Среди всех волшебников, которым за эти сотни лет был разрешен вход в Акрон, ни один из них не обращался с Мер как с маленьким ребенком. Хотя некоторые глупцы иногда хотели препарировать фамильяра и гримуар под глупым предлогом проведения исследований, большинство волшебников держались от Мер на определенном расстоянии, что затрудняло ее общение с ними.

У них не было другого выбора, кроме как относиться к Мер именно так. Она была фамильяром, которую лично создала Мудрая Сиенна, причем на основе детской версии себя самой. Она также служила искусственным интеллектом колдовского ремесла, величайшего гримуара во всей истории магии. Даже несмотря на то, что они уже однажды препарировали его, все волшебники, которым довелось познакомиться с содержанием "Колдовского ремесла",

испытывали перед Мер благоговейный трепет.

Однако Юджин был не таким.

У него не было причин следовать этой тенденции. Уважение к мудрой Сиенне? Хотя он мог признать, что она была великой волшебницей, для Юджина она была просто Сиенной.

Юноша сразу перешел к делу: «Тебе не нравится, что я ухожу?»

«Эм...», — нерешительно ответила Мер.

«Вот видишь, тебе это не нравится. Подумать только, прошло уже два года с тех пор, как я впервые пришел сюда. Хотя, похоже, я единственный, кто регулярно приходит и уходит с этого этажа», — сочувственно заметил Юджин.

«Это... это неизбежно», — пробормотала Мер, разжимая крепко сжатые кулаки. — «Потому что другие волшебники уже давно закончили изучать Колдовское ремесло.»

Прошло два года с тех пор, как Юджин впервые поступил в Акрон. С тех пор он посещал библиотеку почти каждый день и проводил примерно половину своего бодрствования в зале Сиенны.

Это не было особенно впечатляющим или удивительным. Все волшебники, которым разрешили поступить в Акрон, как и Юджин, усердно погружались в изучение магии.

Большинство волшебников, получивших разрешение войти в библиотеку, испытывали непомерную гордость и уверенность в своих магических способностях. Но, совершенствуя свои способности еще больше, эти волшебники стремились достичь высших истин.

Так разве это не было естественно?

Мер существовала уже более двухсот лет. Волшебники, которым было позволено войти в Акрон, теперь были либо Мастерами Башен, либо главами Гильдии волшебников, либо членами придворных волшебников Арота, либо частью королевской семьи Арота. Все они родились с редко встречающимся магическим даром и к настоящему времени уже успели проявить себя как волшебники.

Для них Колдовское ремесло было удивительной частью магии, которую оставил их предшественник. Конечная точка магии Круга — Вечная Дыра. Если кто-то из волшебников впервые сталкивался с гримуаром, он не мог не быть ошеломлен и не испытывать благоговения перед его величием.

В течение нескольких следующих визитов эти волшебники не торопясь пытались понять и изучить содержание Колдовского ремесла. Но в конце концов они бы поняли.

Что эта истина — не то, что они могут постичь.

С этого момента их визиты сократились бы. Хотя Колдовское ремесло было великим произведением магии, архимаги, которым было позволено войти в Акрон, уже создали свои собственные магические формулы, и никто из них не был в том положении, чтобы полностью посвятить себя воспроизведению Колдовского ремесла. Их восхищение и удивление не исчезнет, и они будут ссылаться на гримуар для своей собственной магии, но... в конце концов, они будут стремиться завершить свою собственную уникальную магическую формулу путем

независимых исследований.

В этом отношении Юджин был уникален.

Или, по крайней мере, так он выглядел в представлении Мер. Может быть, потому, что он был молод, а может быть, потому, что он еще не создал свою собственную магическую формулу. А может, дело в том, что он был гибким мыслителем? А может, дело в том, что он не гордился тем, что он волшебник? Возможно, всего было понемножку.

За эти два года Юджин провел половину накопленного в Акроне времени, погрузившись в Колдовское ремесло, ни разу не упав в обморок и не получив кровотечения из носа. Каждый сеанс, проводя довольно много времени за изучением гримуара... он затем выходил, чтобы изучить магические тексты, хранящиеся в Зале Сиенны.

Какой смысл было смотреть эту сцену снова и снова? Когда он все равно не сможет ее понять. Говорили, что воронья синица порвет себе промежность, только если попытается ходить как журавль, но уровень магического мастерства Юджина по сравнению с тем, что требовалось для Колдовского ремесла, даже не достигал того же уровня, что и сравнение с промежностью вороньей синицы. Скорее, это было похоже на разницу между земляным червем и драконом или жуком и богом.

Он поставил перед собой слишком высокую планку.

Возможно, потому что он был молодым мастером клана Лайонхарт, который стоял на ступень выше даже самых престижных семей. И он был не просто молодым мастером. Нет, он был молодым мастером, который когда-то был побочным потомком и первым в истории был принят в главную семью после признания его талантов, не так ли? Другим казалось очевидным, что Юджин заблудился в собственном гении и устремил свой взор на недостижимую для него высоту.

Однако....

Юноша был способен постичь Колдовское ремесло. Нет... разве это можно назвать постижением? Скорее, это было похоже на вбивание знаний в собственную голову. Мер наблюдала за Юджином уже два года, но все еще не могла смириться с тем, что поведение юноши было хоть сколько-нибудь разумным.

Мер наконец спросила: «...Если тебе действительно удастся завершить диссертацию, ты покинешь Арот?»

Юджин ответил на ее вопрос своим: «Знаешь, сколько раз ты уже спрашивала меня об этом?»

«Если включить сегодняшний день, то это уже 137-й раз.»

«Звучит примерно так. С тех пор как я начал писать диссертацию около полугода назад... это значит, что ты задаешь мне этот вопрос примерно раз в день.»

«Было два дня, когда я не задавала этот вопрос», — нахально настаивала Мер. — «Прекрасно. Если честно, я не хочу, чтобы ты покидал Арот.»

«Если я не уеду, что я буду здесь делать?» — спросил ее Юджин.

«Ты можешь делать все, что пожелаешь. Я не знаю, когда Мастер Красной Башни может уйти

на пенсию, но... Сэр Юджин, если ты скажешь, что хочешь стать следующим Мастером Башни, то нынешний Мастер Красной Башни, вероятно, без колебаний утвердит тебя в качестве своего преемника.»

«У меня нет намерений становиться мастером башни.»

«Тогда как насчет придворных волшебников? Разве Верховный Волшебник также не заинтересован в том, чтобы завербовать тебя?»

Верховный Волшебник был командиром магов, находившихся на службе у короля. Примерно с год назад он пытался сблизиться с Юджином, чтобы завербовать его на должность придворного чародея.

«Кронпринц Хонейн также очень благоволит к тебе, сэр Юджин. По моему мнению, род наследного принца — это род, который сможет и дальше гордо заявлять о себе в течение следующих нескольких десятилетий, вплоть до выхода за пределы Арота», — продолжала убеждать его фамильяр.

«Хотя я благодарен за благосклонность наследного принца, мне это тоже не по душе», — отверг предположение Юджин.

«Ты все равно не сможешь стать Патриархом, так зачем тебе возвращаться в клан Лайонхарт?» — возразила Мер.

Юноша просто спросил: «Неужели мне нужна такая потрясающая причина, чтобы просто вернуться домой?»

«И с каких это пор ты так привязался к своему дому?» — угрюмо спросила Мер.

Когда она впервые услышала, как он упомянул о своей диссертации, фамильяр не стала особо задумываться об этом.

Это было связано с тем, что, несмотря на поразительные достижения Юджина, изложить его выводы в диссертации было бы далеко не просто.

Однако рост юноши намного превзошел ожидания Мер. Прошло всего полгода с тех пор, как он начал писать диссертацию, но Юджин уже аккуратно упорядочил свои ранее расплывчатые магические теории в стройную гипотезу. В процессе работы ему удалось на несколько шагов продвинуть свою собственную уникальную магическую формулу.

«...Эта диссертация, ты действительно не намерен ее публиковать?» — спросила она.

«Я не хочу», — ответил Юджин, покачав головой. — «Эта диссертация просто для моего самоудовлетворения. В любом случае, кроме меня, никто другой не сможет ею воспользоваться. Поэтому я просто использую ее, чтобы привести в порядок детали моей магической формулы, записав все на бумагу.»

Это означало, что Юджину не нужно было писать идеальную диссертацию. Мер уже десятки раз слышала, как он это говорил. Именно поэтому фамильяр отказалась поджимать надутые губы. Поскольку это была диссертация, написанная исключительно для самоудовлетворения, у него не было причин слишком беспокоиться о качестве работы, поскольку она все равно не будет представлена на суд жюри.

Хотя так оно и было, Юджин не собирался писать просто так. Диссертация, над которой он работал более полугода, должна была быть рассмотрена учителем юноши, мастером Красной Башни Ловеллианом. Именно он первым высказал мнение, что Юджину нет необходимости публиковать свою диссертацию.

— Эту Формулу Кольцевого Пламени не может воспроизвести ни один волшебник. Независимо от того, насколько развито их понимание магии, им будет физически невозможно воспроизвести ее.

Юджин не использовал обычную магическую формулу Круга.

— Это также не то, что могут воспроизвести пользователи Формулы Белого Пламени из главной семьи Лайонхарт.

Вместо этого Юджин заменил Круг на Звезды из Формулы Белого Пламени.

— Я также... попытался воспроизвести твои результаты, следуя высказанным тобою тезисам. Я зашел в тупик с самого начала, потому что я не сформировал ядро и не выучил Формулу Белого Пламени. Поэтому я попытался использовать свои Круги в качестве замены, но я не смог воспроизвести твои результаты, Юджин. Вместо этого моя мана, казалось, текла в обратном направлении.

Для того чтобы скопировать технику из Колдовского ремесла, Юджин адаптировал Вечную Дыру, используя вместо кругов звезды Формулы Белого Пламени.

В настоящее время он находился на четвертой звезде Формулы Белого Пламени. С помощью этих четырех звезд он создал круг. Затем внутри этого Круга, как это делал Хамел в своей прошлой жизни, он воспламенял свою ману, чтобы вызвать цепь взрывов. Взорвавшаяся мана превращалась в бесчисленные Круги, которые затем переплетались друг с другом, создавая новые Круги. Снаружи вращающееся кольцо пламени в псевдокруге плотно связывало его Звезды, не позволяя мане вытекать наружу.

Это была Формула Кольцевого Пламени.

Изначально он собирался попробовать сделать нечто подобное, как только достигнет Пятой звезды Формулы Белого Пламени, но из-за встречи с гримуаром сроки сдвинулись. Изучение магии каждый день позволяло ему стимулировать свою ману, и в результате это также увеличило его прогресс в Формуле Белого Пламени.

Два года, проведенные им в Ароте, нельзя было назвать просто суматошными — они были гораздо более напряженными.

Он стал учеником Ловеллиана, поэтому, хотя половина его бодрствования проходила в учебе в Акроне, другая половина была посвящена изучению магии у Мастера Башни.

Будучи архимагом, Ловеллиан мог четко определить, какого уровня достиг Юджин. Помимо прочной основы управления маной, юноша знал лишь основы. Архимаг не давал Юджину никаких уроков по составлению формул или настраиванию маны, используемой для создания заклинаний.

Он считал, что нет необходимости учить юношу всему этому, и суждение Ловеллиана вскоре оказалось верным.

Во время предыдущей жизни Юджина под личиной Хамела, имея в качестве основы лишь скудное писание для обучения мане, он стал достаточно сильным, чтобы стать спутником Вермута. Хамел был одним из главных героев во время войны с Хельмутом, и он был рядом с остальными, когда они убили трех из пяти Королей Демонов.

И все это при том, что он выучил такое обычное и дешевое писание для тренировки маны.

Поэтому Ловеллиан обучал Юджина только различным заклинаниям. И среди огромного количества заклинаний, которые он знал, он научил юношу только самым полезным. Он старался максимально упростить их сложные формулы, а затем предоставил Юджину самому разбираться в том, как распределить ману, чтобы применить эти заклинания.

После того, как Юджину удалось в определенной степени создать формулу Кольцевого пламени, Ловеллиан предоставил свою полезную критику, когда Юджин начал писать диссертацию. Он также помог адаптировать существующие заклинания Круга к уникальной магической формуле Юджина.

Ловеллиану не было нужды делать это, поскольку с помощью Формулы Кольцевого Пламени можно было произносить обычные заклинания Круга. Однако, если Юджин собирался использовать свою собственную уникальную магическую формулу, не лучше ли ему использовать импровизированные заклинания, чтобы они были и сильнее, и проще в применении?

«Ты расстроена?» — спросил Юджин у Мер.

Фамильяр хмыкнула: «С чего бы мне расстраиваться?»

«Потому что я сказал, что уеду, хотя ты просил меня остаться.»

«Я не расстроена. Какое право я имею запрещать тебе уходить? Сэр Юджин, если ты сказал, что уходишь, значит, ты можете просто уйти. Хотя я никогда не думала о том, что хочу куда-то уехать, даже если бы и хотела, я просто фамильяр, который не может покинуть Акрон.»

Чем больше Мер говорила, тем больше выпячивались ее губы.

«Вот почему ты должен чувствовать себя свободным и уходить. Ты можешь просто оставить меня здесь одну в этом скучном, унылом и тихом месте, пока ты уходишь один. Я несколько не расстроена расставанием с тобой, с которым я играла последние два года. В конце концов, я не совсем живой человек, и я прекрасно знаю, что люди — просто эгоистичные существа.»

«Это так?» — спокойно спросил Юджин.

«Конечно, мне это хорошо известно. Ведь я старше тебя на двести лет. Но все же, сэр Юджин, пожалуйста, хотя бы загляни ко мне перед отъездом. Не уезжайте просто так, ничего не сказав, как леди Сиенна», — умоляла Мер.

«Хорошо», — с готовностью согласился Юджин.

«Несмотря на то, что я все это сказала, ты все так же спокоен, как и раньше. Хотя мне кажется, что я думала об этом сотни раз за последние два года, ты действительно кусок мусора», — ворчала фамильяр.

Юноша возразил: «Почему я кусок мусора?»

«Потому что я просто чувствую это от тебя. Неважно, есть причина или нет. Ты, сэр Юджин, просто отброс. Ты действительно так раздражаешь. Несмотря на то, что ты намного моложе меня, ты не проявил ко мне никакого уважения как к старшей. Если взрослый говорит тебе что-то сделать, разве ты не должен быть хорошим ребенком и послушно принять приказ?»

Пока она ворчала, Мер подняла шляпу, которую положила рядом с собой, и снова надела ее на голову, прикрыв лицо от смущения.

«...Конечно... если бы мои слова действительно убедили тебя и ты решил не покидать Арот, то я уверена, что чувствовала бы себя крайне огорченной из-за этого», — сбивчиво признался Мер. — «Но я ничего не могу с этим поделать. Поскольку моя личность основана на детской версии леди Сиенны, мои эмоции и поведение не могут не быть под влиянием детского нрава.»

Юджин выглядел сомневающимся: «Это действительно так?»

«Да, конечно, так и есть», — настаивала фамилляр. — «Вот почему я говорю такие детские вещи и проявляю детское упрямство. Даже в таких обстоятельствах часть меня все равно согласна с тем, что это твое право — уйти. Вот почему я все еще чувствую себя дурой, произнося такие бессмысленные слова. Потому что я уверена, что леди Сиенна не стала бы так себя вести. Я чувствую, что мои действия — это оскорбление для леди Сиенны.»

«...Хм», — засомневался Юджин.

«Вот почему ты должен относиться к моим словам как к воздуху. Поскольку я просто по-детски упряма, тебе нет нужды обращать внимание на то, что я говорю. В этом нет никакого смысла, и я не могу ничего тебе предложить», — кротко согласилась Мер.

«Возможно», — сказал Юджин, даже когда ручка, которой он писал диссертацию, продолжала двигаться. — «Но настоящая леди Сиенна могла вести себя так же, как и ты.»

«Пожалуйста, не говори такой ерунды. Леди Сиенна ни за что бы так не поступила.»

«Нет, она бы так и сделала.»

«И откуда ты это знаешь, сэр Юджин? Ты даже никогда не встречались с настоящей леди Сиенной. Неужели ты можешь говорить это, думая о ней так, как она изображена в сказке?» — спросила Мер, приподнимая шляпу и тем самым открывая свое лицо.

Пфффф.

Мер насмеялась над Юджином.

«В конце концов, это было просто что-то, что кто-то написал, используя свое воображение», — отругала его фамилляр. — «Я знала леди Сиенну. Она не была таким человеком.»

«Моя диссертация должна скоро закончиться», — заявил Юджин, по-детски отвечая на насмешки Мер своими собственными. — «Если я не буду слишком амбициозным, то, вероятно, смогу закончить ее до конца лета.»

«Ну и что?» — сварливо спросила фамилляр.

«Я обязательно буду искать тебя перед отъездом. Возможно, в тот момент мне нужно будет что-то сказать тебе, понимаешь?» — поддразнил Юджин.

Мер потребовала: «В чем дело? Ты пытаешься спровоцировать меня? Я действительно убью тебя.»

«Я скажу тебе об этом перед отъездом», — ответил Юджин с улыбкой.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/51117/2344649>